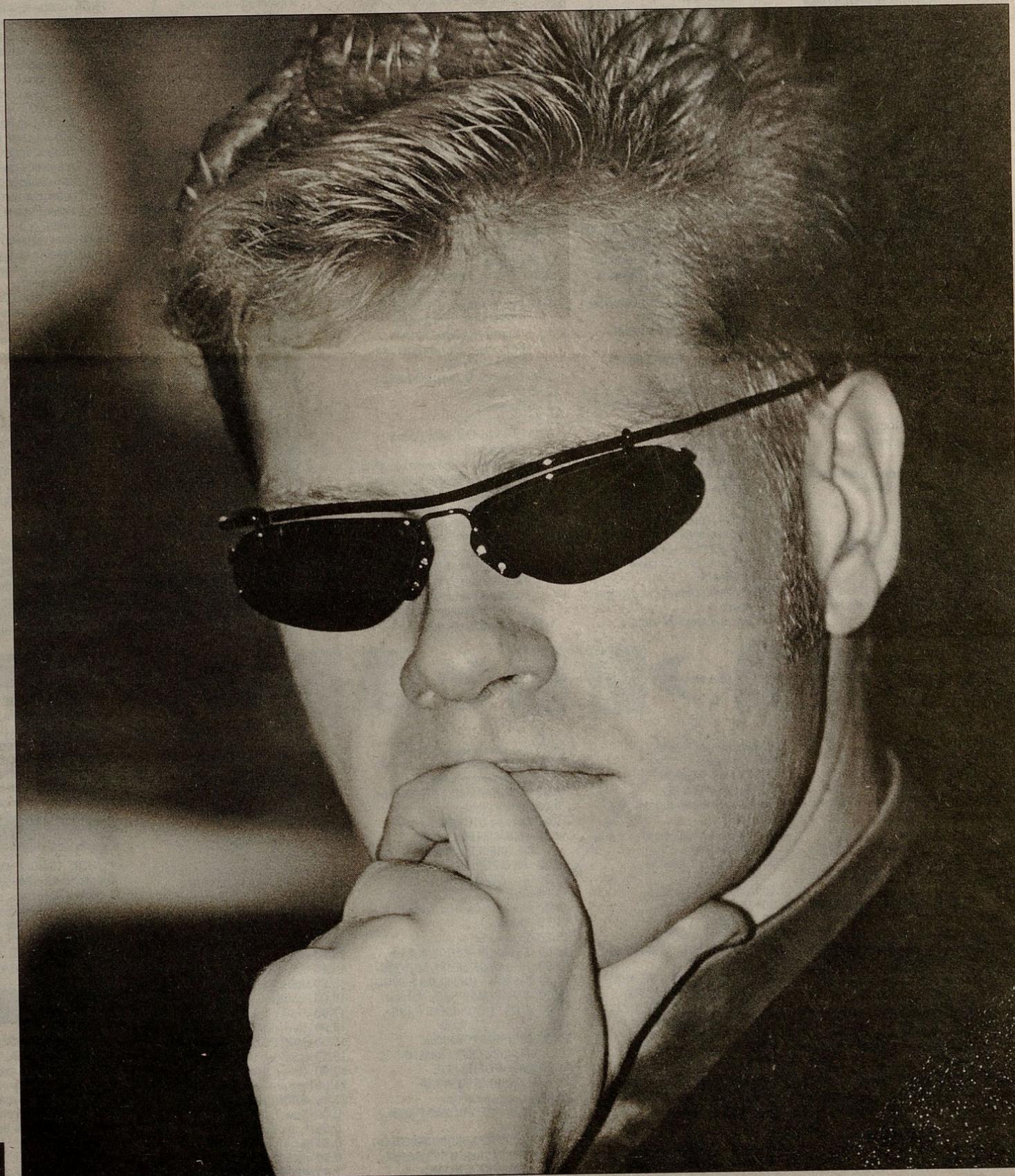

Телекурьер

Демидов Иван

Иван ДЕМИДОВ: «Я не тщеславен, скорее – честолюбив»

Лет пятнадцать назад в длинных останкинских коридорах появился молодой обаятельный юноша – дембель, который испытывал страстное желание поработать на телевидении. Юношу взяли осветителем, а спустя всего лишь пару лет странный молодой человек, водрузив на нос стильные черные очки, уже загадочно улыбался телезрителям с экрана, как старый знакомый, и хорошо поставленным голлссом вещал о музыке, которая была нам абсолютно не знакома. Он был умен, раскрепощен, таинственен, одним словом, Иван Демидов. В то время он в компании таких же молодых, дерзких и талантливых совершил на отечественном ТВ настоящую революцию – их детище программу «Взгляд» ждала по вечерам вся страна. Как и все полуподпольное и неожиданное, «Взгляд» стал культовым, равно как и фигуры его ведущих. Иван Демидов – один из них – позднее переместился в ранг «рулевых» первого настоящего музыкального проекта «Музобоз», а затем вырос до рулевого целого канала – ТВ-6. Сегодня Демидову чуть за сорок, он снял свои имиджевые черные очки, отказался от фирменной присказки «На сегодня новостей больше нет» и теперь рассуждает не только о музыке, но и о смысле жизни, православии, душе в своей авторской программе «Русский взгляд».

23.09.04

Об этом – на стр. Т16–17

198-200 3 м

Русский курьер, 2004
23 сент. - с. 116-117

«Я не тщеславен,

Алина РЕБЕЛЬ

— В новый телесезон мы вошли со сплошными развлекательными программами, аналитические же передачи, напротив, практически исчезли с экрана. Почему так произошло?

— Для того чтобы ответить на этот вопрос, нужно чуть нырнуть в прошлое. В профессиональном плане у нас проблем с телевидением уже нет — все-таки мы потратили 15 лет на то, чтобы освоить некий мировой стандарт телевидения. Надо было просто понять, как снимаются программы, как они делаются, как работает пиар, освоить новую технику. И это сейчас звучит уже достаточно привычно и для профессионалов, и для телезрителей, но на самом деле 15 лет назад, кроме безусловных талантливых порывов ничего этого нам не было известно. Я пришел на телевидение во времена «Взгляда», так вот никто из нас, кроме Саши Любимова, не видел зарубежного телевидения. Наши ровесники хотя бы знали творчество Феллини, фильмобоек, а мы даже не видели, как это делается. Что такое ток-

шоу? Я помню, как мы на пальцах придумывали первое ток-шоу по предположениям, как оно должно вообще выглядеть. А на сегодня мы являемся профессиональным мировым телевидением.

— Однако отечественное телевидение изменилось ведь не только с технической точки зрения?

— Наше телевидение выполнило еще одну функцию: оно, как и все в России, стало больше, чем телевидение. Государство, народ и прежде всего власть поняли, что такое «телевидение больше, чем телевидение». Что тоже, в общем, нормально. После достаточно бурной политической революции 89-го, 93–94-х годов на телевидении было очень много политики, но со временем программ «Взгляд» сменило наше же «Поле чудес», «Музобоз». Люди устали от политики и попросили: «Развлеките нас, сделайте нам интересно, потому что вы достали нас тяжелыми разговорами о жизни!» Что ж, чем больше тревоги и напряжения в обществе, тем сильнее желание уйти.

— Однако до некоторых пор

количество развлекательных программ и аналитики на телевидении было более или менее сбалансировано.

— До «путинской революции» аналитическое телевидение было на пике. Достаточно вспомнить сильных аналитиков НТВ. Но на данный момент изъясняться в терминах западной аналитики, когда необходимы столкновение мнений, виртуальные битвы за свободу слова, нам, на мой взгляд, уже не за чем. Дело в том, что большая часть общества выбрала некий «путь за Путина». Мы так долго перегибали палку в сторону так и непонятной нами либеральности и свободы! А сейчас встали на путь строгости нравов, государственности. И в связи с этим, как мне кажется, аналитики на телевидении остались ровно столько, сколько процентов населения поддерживают либеральные взгляды — другим просто она не нужна. Раньше соотношение было иное. На это можно обижаться, можно не обижаться. Но это непреложный закон: сколько покупателей, поклонников или, скажем, телезрителей, разделяющих твою точку

зрения, ровно столько ты собственноручно и представляешь.

— Сейчас много говорят, что свобода слова не осталась, а жалкие крохи аналитиков транслируют мнение власти.

— Это вопрос скорее не власти, а способности тех, кто выходит в эфир. Потому что если у тебя нет особого повода задавать вопросы по текущей ситуации, а ты не можешь подняться чуть более глубоко, по поводу того, как жить, это исключительно твоя проблема. И соотношение развлекательного телевидения и аналитического достаточно стандартное вообще для любого общества, в том числе и для нашего российского общества. Мы, наверное, как и все люди на Земле, хотим жить минут подумать, а остальные часы жить другой жизнью. Подумать о политике, я имею в виду. Поэтому, если мы подчитаем процент развлечений, образовательных программ и политическую аналитику на нашем ТВ, то окажется, что в целом пропорции нормальные. Опять же это не значит, что лично меня полностью устраивает качество как развлека-

тельных, так и информационных программ.

— Вот вы обмолвились, что наше телевидение уже достигло определенного уровня профессионализма. Однако возьмем же набившие всем оскомину сериалы, наши ток-шоу, типа «Большой стирки» — где этот профессионализм?

— Наше телевидение, как и наше общество, вынуждено в предельно сжатые сроки проходить то, что все остальные проходили эволюционным путем. Так что, если мы сравним те же сериалы восьмилетней давности с сегодняшними сериалами, то увидим, что на самом деле мы скакнули из феодального в капиталистическое общество. Мы умеем делать ток-шоу, чем мы их наполняем с точки зрения содержания — это второй вопрос. Ясно, что подобная массовая продукция не предназначена для канала «Культура». В свое время на 6-м канале я поддержал «О.С.П.-студию», чтобы предложить другой юмор, но понимаю своих коллег с больших каналов, которые не пытаются искать новый юмор, а им достаточно того, что они раскручивают нечто уже за-

интересовавшее телезрителя.

— Однако в момент страшной трагедии в Беслане людям как раз не хватало того, чтобы с ними разговаривали.

— Абсолютно согласен. Так сложилось, что вначале в стране исчезли политики, потом аналитики, потом журналисты. Мы с моей съемочной группой очень долго думали, о чем говорить с людьми 4 сентября в моей программе «Русский взгляд», выходящей на 3-м канале. И в итоге выбрали исключительно одну ноту — ноту утешения. В результате был поставлен рекордный рейтинг: мы собрали аудиторию, фактически сравнимую с программой «Время» Первого канала. Если честно, я думаю, что люди и не ожидали аналитики. Во всяком случае не аналитики от аналитиков. Люди ожидали, как и в любых подобных случаях, двух вещей: первое — это утешения, а второе — информации и мнения власти. Толкователи не то, чтобы себя дискредитировали, но врядком поднаделоси. Я не сторонник криков вокруг того, почему президент не выходил каждый час в эфир и не говорил с народом. Но я так думаю: если

нужно было обманывать народ во имя благой цели, пускай бы власти нас обманывали, лишь бы спасли заложников. Я не хочу пока в этом копаться, выяснять — растерялись и не растерялись... Все равно на этот вопрос нужно ответить. Но, грубо говоря, я в принципе готов подожать с ответом по этому поводу. Вообще в последние дни в нашем обществе постоянно возникают какие-то критические ситуации — проблемы пенсии, льгот или кровавые теракты. Не хватает даже не толкователей, а просто разговора с людьми.

— Тут еще маленькая деталь есть. Дело в том, что за последнее время эту функцию взяли на себя средства массовой информации: «Вы не волнуйтесь, делайте свое дело, а мы тут с народом поговорим». И вот тут выясняется, что они не очень знают, как надо говорить. Что делать? Нужно ошибаться и понимать — вот это получилось, это нет. Почти рабочая ситуация в нерабочих историях. Вчера в устах главного героя «Антикиллера» прозвучала фраза: «потому что они на войне, а мы на работе». Мы полюбили слово «война», может, нам пора еще понять, что мы не просто на работе?

— Обратная сторона этой медали — как надо освещать подобные события.

— Теракт освещался предельно нейтрально. Никак не сравнить ни с «Норд-Остом», ни с каким другим терактом. Фактически были просто трансляции. И очень четко выстроенные комментарии. Еще раз говорю, может быть, нам хотелось бы этой информации.

Но это вечный вопрос, кому и для чего. Помочь, зная информацию, мы не можем, значит, появляется ощущение, что мы просто удовлетворяем свою страсть к триллерам. В этом нужно признаться и уж точно не ввязать о свободе слова. Я не готов взвешивать дозу крови, которая должна быть на экране, поскольку ее не измерить километрами и точками печати. Конечно, общество уже привы-

кло к таким сценам, не то, что 10 лет назад. Мы поняли: чтобы осознать ситуацию, нужно посмотреть правде в глаза. Чтобы не брать взятку в аэропорту для пропуска в самолеты и не сдавать квартиры налево и направо, нужно посмотреть на эту картинку и представить себя в этой ситуации.

— Нас смотрят и читают пострадавшие, их родственники. Как не задеть этой правдой их чувства?

— Легко ограничиться двумя днями траура и потом вернуться в нормальное русло. Но лично я не был готов на этой же неделе, когда были два дня траура, смотреть комедии. Я думаю, что это для беславецких еще больше, чем наши репортажи. Я не берусь судить за них, права не имею. Но мне это больно.

— Иван, 10–15 лет назад мы жили в более закрытой стране, но ждали ночи, чтобы посмотреть «Взгляд». Сейчас мы

Аналитики на телевидении остались ровно столько, сколько процентов населения поддерживает либеральные взгляды — другим просто она не нужна. Раньше соотношение было иное. На это можно обижаться, можно не обижаться. Но это непреложный закон: сколько покупателей, поклонников или, скажем, телезрителей, разделяющих твою точку зрения, ровно столько ты собственноручно и представляешь

внешне свободнее, но вот своеобразного андеграунда нет. Не нужно стало?

— На том безрыбьи, которое царило тогда, любая программа, которая выстреливала, то же «Поле чудес», были просто откровением. Сейчас сложнее — мало кто утром после первого эфира просыпается знаменитым, мы просто работаем. Но это не отменяет нормальных разговоров. Другое дело, что сегодня каждый раз, когда делаем программу, должен думать, кто бы мог что-то такое сказать,

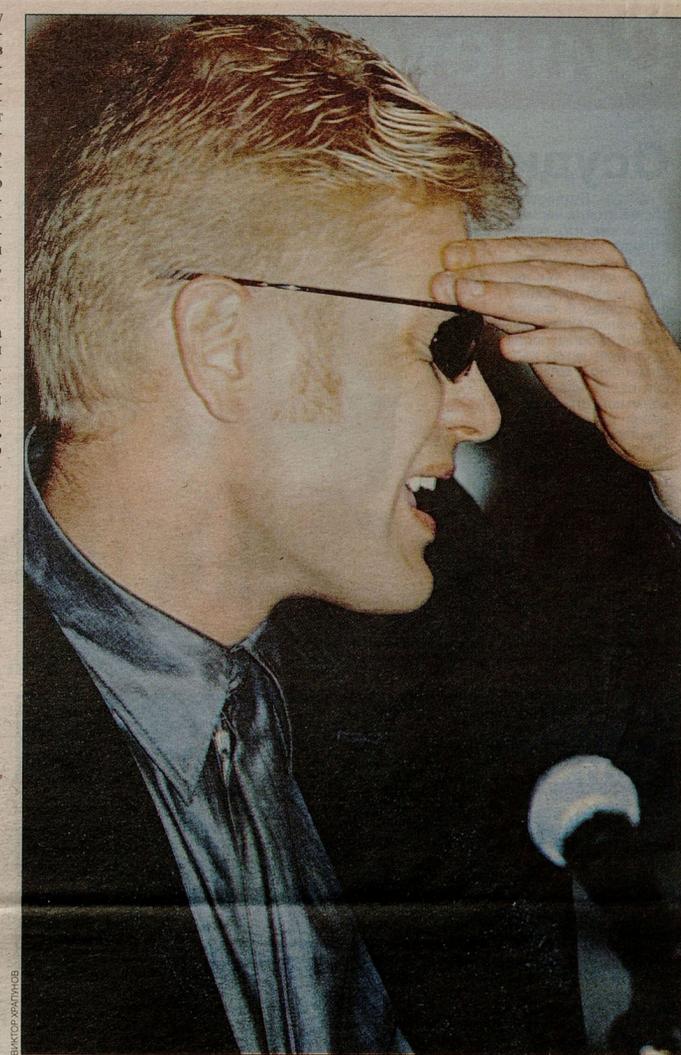
чтобы было интересно. Потому что настолько уже все персонажи известны, что проблема не в новых передачах, а в новых словах и новых позициях. Поскольку позиции вокруг правительства не очень интересуют нас в «Русском взгляде», а остальные лежат в области веры, метафизики, особых путей, может сложиться впечатление, что это исключительно задача какого-то образовательного канала. И постепенно это будет происходить, потому что появятся религиозные, аналитические, развлекательные каналы.

— А нужны ли вообще религиозные программы?

— В прошлом сезоне, когда мы только запустились, меня очень волновал этот вопрос. Раньше разговор о религии вообще проходил мимо зрителя, я не беру православную часть, которая всегда интересовалась подобными программами. Но сейчас стало очевидно, что да-

же простой телевизионной аудитории интересно уже поговорить или послушать об этом. Раньше религиозная программа в лучшем случае проходила, как проходила беседа на канале «Культура», — почти незаметно. Сейчас очевидно некое социальное ожидание подобных разговоров в том числе. В ход пошли вопросы скорее общественные.

— Иван, многих удивила ваша трансформация из человека в черных очках, придумавшего много телевизионных фишек, в

скорее — честолюбив»

человека, который говорит на религиозные и достаточно на сегодняшний день сколько-то темы. Что вас лично привело к этому?

— Человек вырос, и если ты делаешь то, что делал в 20 лет, когда тебе 40 — ты уже идешь. Поэтому я проходил путь, который проходит практически все. Я пришел на телевидение и сразу понял, что здесь я хочу и буду работать. Я всегда понимал, что телевидение для меня просто язык, который позволяет осуществлять свое желание разговаривать с как можно большим количеством людей. И все проекты, которые я создавал, были возможностью разговаривать с как можно большим количеством людей, вступать с ними в какой-то диалог. Когда ты подходишь к 40-летнему рубежу, заданье себе вопросы. Я понял, что ответы лежат ровно там, где я сейчас нахожусь. Удивительно и радостно для меня, что активно воцерковленным православных людей в России, по разным оценкам, от 7 до 10 процентов. По тем же данным, 80 процентов держат ломя окна. Мне рассказали наши юные сотрудники, что в службе знакомств в

Интернете почти все в графе анкеты «религия» пишут православие. Вовсе не обязательно, что все православные. Это та история, которая заложена в нас традицией. А соответственно мне как раз интересно работать на этих людей. Мне интересно сдать экзамен на те 7–10 процентов, которые должны признать, что я имею право об этом говорить. Потому что они основные мои эксперты. А вот сам продукт, который я выдала, — для тех 60–70 процентов, которые держат икону дома и которые задают вопросы. Я получаю огромное количество отзывов от приходов и священников. Я называю себя неофитом, человеком, который вновь пришел на это пространство. Вот я таким же неофитом, как и я, пытаюсь рассказать о том пути, по какому пришел я. Не о моем личном пути, а об ответах на вопросы, которые интересовали меня, по этому пути идущему.

— Россия все-таки многоконфессиональная страна. И тем не менее православие исторически более распространенная религия. Возможно ли появление на телевидении программы об иудаизме, мусульманстве?

— Я думаю, возможно. И более того, XXI век оказался веком богословия. Богословы направили самолеты, так получилось, на Нью-Йорк. Так получилось, что крутятся все время вокруг богословия. Я думаю, возможность появления на ТВ разных религиозных программ должна абсолютно спокойно решаться в русле обыкновенной работы на телевидении. Потому что сейчас гораздо больше, чем, например, несколько лет назад, в новостях на каналах стали освещаться вообще религиозные темы. В этом смысле религиозные новости заняли достаточно устойчивую позицию, ничуть не меньшую, чем раньше культура, например, занимала в новостных программах. Это ответ государственной политике. Понятно, по каким причинам, не только зрительским, но и телевизионным, православие заняло доминирующее на данный момент положение, хотя смешно говорить о доминировании, когда программы занимают 2–3 процента. Но даже уже этот объем на данном отрезке выглядит как доминирующий. Я не сторонник в данном случае

каких-то формальных решений, квот: сколько отводить времени той или иной религии.

— Разговоры о шахидках все равно сводятся к религиозным мотивам. Можно ли сделать так, чтобы люди поняли, что дело не в религии.

— Это очень сложно. Я считаю, что простые заклинания, которые раздаются после терактов, что дело не в религии, не помогают понять, в чем дело. Надо объяснить, какие бывают трактовок, в чем там дело. Бесмысленно говорить просто, что мусульмане не все такие. Ведь именно оттуда все-таки тянутся корни — так давайте объясним людям, что приводит этих людей к тому или иному пути.

— Иван, одно время вы ходили в больших начальниках — руководили каналом ТВ-6. Сейчас вы хоть и популярный, но рядовой телеведущий. Вы не тщеславны?

— Не тщеславен, потому что тщеславие — это тщетная любовь к славе. Я скорее честолюбив. Надеюсь, в будущем мне удастся расширить рамки своей деятельности — есть на этот счет кое-какие задумки.